Анна Е. Егорова
Московская высшая школа социальных и политических наук, Россия

Автобиографический подход Дидье Эрибона в контексте современных дискуссий о классовой идентичности

В статье анализируется понятие классовой идентичности в контексте современных социальных и политических трансформаций, следствием которых, в частности, стал стремительный рост поддержки правого популизма среди европейских и американских наемных работников. Автор строит рассуждение вокруг работы Дидье Эрибона «Возвращение в Реймс», которая рассматривается в контексте других релевантных для проблематики работ. Автобиографическое исследование, ставшее предметом публичных дебатов в Европе в последние годы, позволяет рассмотреть во взаимосвязи ключевые для стратегии левых сил проблемы: роль социальных структур в формировании субъекта, консервативный поворот в официальном левом дискурсе и его влияние на классовую идентичность. Кроме того, в статье поднимается вопрос об актуальности концептов класса и классовой борьбы, рассматриваются имманентные этим категориям теоретические и практические проблемы. Как показывают Перри Андерсон, Этьен Балибар, Гашпар Миклош Тамаш и другие, при сохранении существующего способа производства от класса как структурной категории невозможно абстрагироваться полностью.

В статье показано, что «класс» продолжит существовать и функционировать, если о нем даже перестанут говорить. Однако в силу опосредования культурой или дискурсом социальные и политические измерения этой категории оказываются подвижными (более того, они и должны оставаться такими, чтобы не превратиться в «миф»). Автор демонстрирует, почему именно понятие класса является отправной точкой в актуальных дебатах о левой политике и возвращении единства социальной теории и политического действия.

Ключевые слова: габитус, структура, консервативный поворот, класс, Дидье Эрибон.

Егорова Анна Евгеньевна — магистрант программы «Политическая философия» в Московской высшей школе социальных и политических наук. Научные интересы: политика идентичности, критическая теория. E-mail: anna.e.yegorova@gmail.com
Anna E. Yegorova — currently an MA student of political philosophy at the Moscow School of Social and Economic Sciences. Research interests: critical theory, identity politics. E-mail: anna.e.yegorova@gmail.com

Anna E. Yegorova, MSSES, Russia
Didier Eribon's Autobiographical Approach in the Context of Contemporary Discussions On Class Identity

This article focuses on the concept of class identity in the context of recent social and political transformations which can in part account for the rapid growth of support for right-wing populism among the European and American working class. For these purposes I will turn to a number of important works on this subject, with Didier Eribon's *Returning to Reims* as a focal point for the discussion. This book has been at the centre of public debates in Europe in recent years, and it allows us to consider key problems for the strategy of the left in their interrelation: the role of social structures in shaping the subject, the "conservative turn" in the official left discourse and its influence on "class identity". Moreover, the issues raised by Eribon prompt us to reflect on the relevance of the concepts of "class" and "class struggle", as well as theoretical and practical problems immanent to these categories. As Perry Anderson, Etienne Balibar, Gáspár Miklós Tamás and others show: while maintaining the existing mode of production, it is impossible to completely dismiss class as a structural category. That is, "class" will continue to exist and function even if nobody talks about "class" any longer. Nevertheless, due to the mediation of culture or discourse, the social and political dimensions of this category turn out to be quite flexible (moreover, they should remain such in order for class not to become a "myth"). It is "class" that could be used as the reference point for the current debate on left politics and the problems related to restoring the unity of social theory and political action.

Keywords: habitus, structure, conservative turn, class, Didier Eribon

doi: 10.22394/2074-0492-2018-4-106-127

Подъем правого популизма, который можно наблюдать в широком диапазоне событий, начиная с Brexit и победы Дональда Трампа на президентских выборах в США и заканчивая избранием симпатизанта военной хунты Жаира Болсонару на пост президента Бразилии, привлекает пристальное внимание исследователей к электоральному поведению низших классов. Кто эти люди и почему они находят (и находят ли) шовинистскую и националистическую повестку привлекательной? Попытки ответить на вопрос о «молчаливом большинстве», якобы заставшем политические элиты врасплох, зачастую сводятся к тезису о том, что класс — это культурный феномен, а значит, политическими настроениями можно манипулировать при помощи риторики «культурных войн» и моральных ценностей.

Ярким примером такого подхода может служить «Крестьянская элегия. Мемуары о семье и культуре в кризис» Дж. Д. Ванса [Vance, 2016].Написанная на стыке социологии и автобиографии эта книга

была опубликована вскоре после избрания Трампа и сразу стала бестселлером на «Амазоне». Не являясь академической, работа Ванса полностью вписывается в социологическую традицию изучения социальной стретификации через призму «культуры бедности». Более того, автор обвиняет «профессиональную социологию» в *несостоятельном* стремлении объяснить социальное неблагополучие жителей американского Ржавого пояса структурными причинами.

Ванс, выросший в городках Ржавого пояса и Аппалачей, в штатах Кентукки и Огайо, живо описывает культуру белого рабочего класса Америки, его кодекс чести, привычки и убеждения. Хотя автор с большой теплотой относится к «деревенщине» (hillbillies), он видит главное препятствие для вертикальной мобильности в личных «установках» жителей Аппалачей. На собственном примере Ванс пытается доказать, что американская мечта — это не идеологический трюк, но факт социальной реальности. По его мнению, в США существуют все необходимые институты для социальной мобильности: неплохие государственные школы, высокие стипендии для бедных в лучших университетах страны, возможность пройти военную службу — нужно лишь приложить соответствующие усилия, и все получится.

Ванс не считает бедность структурной проблемой, хотя сам неоднократно признает, что своим успехом он обязан множеству «удачно сложившихся случайностей», а выходцам из низших классов остро не хватает социального капитала. Главный тезис Ванса сводится к тому, что государство не всесильно и не может решить внутренние проблемы общества [Ibid., p.256]. Мэтью Стенли в рецензии на «Элегию», опубликованной в International Socialist Review, отмечает, что подход Ванса отражает широко распространенное среди американских консерваторов и демократов мнение, что бедность Ржавого пояса связана с культурными особенностями, менталитетом и даже «патологией» белого рабочего класса [Stanley, 2018].

Сведение класса к сугубо культурному явлению весьма проблематично: на выходе мы получаем не более чем описание некоторых диспозиций (предрасположенностей), которое не способно объяснить ни устойчивость этих диспозиций в различных средах[1], ни изменение политической субъектности. Культурологическому подходу Ванса можно противопоставить структуралистский анализ французского социолога и философа Дидье Эрибона. В книге «Возвращение в Реймс» автор, так же как и Ванс, обращается к анализу

1 В качестве одной из последних работ, посвященных низшему «белому» классу и роли, которую он играл в обществе США на протяжении всей истории страны, можно назвать книгу Ненси Айсенберг «White Trash: The 400-Year Untold History of Class in America» [Isenberg, 2016].

собственного жизненного пути. Однако это отнюдь не ностальгический нарратив, но критическая попытка осмыслить собственную житейскую траекторию. В работе поднимаются ключевые для Эрибона темы: идентичность меньшинств и теория сексуальности, критика психоанализа и консервативный поворот в интеллектуальной и политической среде во Франции.

Лейтмотив «Возвращения в Реймс» — это вопрос о классе. Чтобы понять, как он рассматривается в книге и структурно объединяет ее, обратимся к методам автора. Мы рассмотрим темы классового сознания и габитуса, а затем постараемся осветить основные моменты классовой политики в широком контексте политических и идеологических трансформации 1980-х, характерных для Франции, Великобритании и США.

О методе

Определяющим для понимания структуры и метода «Возвращения в Реймс» является обращение к теоретическим ресурсам Пьера Бурдье. Эрибон вслед за своим наставником показывает взаимосвязь между положением в социальной топологии и субъективными диспозициями, социальным полем и габитусом как формой инкорпорирования социальных структур. И если в своей ранней работе «Reflections sur la question gay» Эрибон применяет анализ габитуса к формам инкорпорирования структур сексуальности, то в «Возвращении в Реймс» центральное место занимает вопрос о самих социальных структурах.

Проведем параллели между «Набросками к самоанализу» Бурдье и работой Эрибона. Бурдье критиковал жанр автобиографии, поскольку в нем личная история получает смысловую ориентацию, описывается в перспективе «судьбы» или «предназначения». В качестве альтернативы Бурдье предложил метод «самоанализа», который в отличие от автобиографии должен был учитывать изначальное соотношение позиций и диспозиций индивида, играющих решающую роль на протяжении всей жизни. «Наброски к самоанализу» — это попытка Бурдье объяснить свой выбор профессии через соотношение собственных поведенческих диспозиций и состояния академического поля. Бурдье показывает, что его выбор социологии в качестве специализации не был произвольным, но диктовался диспозицией по отношению к «интеллектуальным элитам», частью которых он стал, не желая себя с ними ассоциировать отчасти и в силу своего происхождения [Bourdieu, 2008a, p. 41].

Наследуя Бурдье, Эрибон настаивает, что «Возвращение в Реймс» — это не автобиография, но анализ индивидуального опыта, проведенный с помощью теоретических инструментов. В основе

истории Эрибона — столкновение с вытесненным прошлым, т.е. с собственным происхождением из рабочего класса, которое «игнорировалось» по мере восхождения по социальной лестнице, но тем не менее играло определяющую роль для жизненной траектории субъекта. Осознание этого игнорирования приходит к автору, когда он возвращается в родной дом после смерти отца и понимает, что никогда не писал о формах социального господства и подчинения, предпочитая анализировать вопросы гендера и сексуальности. Свой выбор аналитических предпочтений Эрибон осмысляет через стыд перед своим происхождением из рабочей среды.

Отказ от этоса и габитуса родителей заставляет автора «вытеснять» рефлексию о социальной справедливости. Эрибон задается закономерным вопросом, как вышло, что его собственные суждения воспроизводят властный дискурс? Ответ дается с помощью аналитического аппарата Бурдье. Социальная мобильность требует от субъекта принять категории мышления господствующих классов, чтобы легитимировать успешное использование социальных лифтов. Бурдье вспоминает, что не раз становился объектом насмешек в Высшей школе из-за провинциального акцента [Bourdieu, 2008a, p. 90]. Эрибон, со своей стороны, предполагает, что ему было бы проще критически анализировать социальные структуры, если бы он сам не вышел из «народных классов» [Eribon, 2009, p. 72].

В «Принципах критической мысли» Эрибон формулирует свои теоретические «точки отсчета». Первая — это детерминизм: коллективное и индивидуальное существования можно понять лишь в контексте исторических и социальных условий. Вторая — принцип имманентности, согласно которому никакая мысль не может утверждать свою автономию по отношению к политическому действию. Она продукт истории, создаваемый историей в истории. Принцип имманентности противостоит вневременному универсализму [Eribon, 2016].

Заметим, что сначала Эрибон планировал сопроводить «Возвращение в Реймс» подзаголовком — «Теория субъекта», но по настоянию издателя отказался от этой идеи[1]. Подзаголовок отсылает к теории субъективации Фуко, которая рассматривает процесс возникновения «sujet assujeti», подчиненного, субъективированного субъекта. Для Эрибона принципиален и другой аспект — создание себя, исходя из условий субъективности как «одной из за-

1 С рассказом автора о собственной книге более подробно можно ознакомиться, посмотрев его выступление в Колумбийском университете: Eribon D. *On Social Verdict: Classes, Identities, Trajectories* (https://www.youtube.com/watch?v=O50QO7yxLs0).

данных возможностей организации некоего самосознания» [Фуко, 2006, с. 284]. Эрибон противопоставляет социологический метод психоанализу, который десоциализирует и деисторизирует бессознательное, наделяя работу психического механизма универсальной значимостью и деполитизируя проблематику социальных структур.

Эрибон показывает, что конфликт между родителями и детьми можно объяснить не через универсальный эдипов комплекс, одинаковый для всех полов, рас и классов, но через различный доступ к системе образования. Дети, у которых есть возможность уделять учебе больше времени, чем их родители, могут развить неприятие собственной социальной среды. Кроме того, при анализе гомосексуальной идентичности, помимо теории сексуальности и дисциплинарных практик Фуко, автор опирается на теорию стигматизации Ирвинга Гоффмана. Нормативные ожидания рабочего класса организованы вокруг маскулинных ценностей, в результате чего гомосексуальность неизбежно стигматизируется.

Наконец, Эрибон использует анализ дискурса, разработанный Стюартом Холлом в рамках culture studies, чтобы показать, как левые в процессе дискурсивных трансформаций теряют позиции среди рабочего класса, уступая место ультраправым. Автор демонстрирует, что классовое сознание зависит от теоретической оптики, наделяющей жизненный опыт смыслом, оспаривая, таким образом, вслед за Фуко и Бурдье эпистемологический примат нейтрального знания. Если господствующие классы «присваивают собственную объективацию, сводя объективную истину [своего социального положения] к субъективному намерению», то подчиненные классы, наоборот, говорят на языке, который они получили «сверху»; их субъективность объективируется и, подобно злому року или судьбе, становится для них чем-то внешним и неизбежным [Bourdieu, 2008b, p. 197-198]. Поэтому, по Эрибону, задача критически мыслящего интеллектуала состоит в том, чтобы изобрести или адаптировать язык, на котором могли бы говорить угнетенные.

Книга состоит из пяти частей. Первая посвящена фигуре отца, вторая — матери. В третьей части Эрибон рассматривает политическую ситуацию времен своей юности, в частности, роль коммунистической партии в рабочих классах. В четвертой части анализирует школьное и университетское образование. Пятая часть посвящена проблемам гомосексуальности. В эпилоге автор кратко описывает свой карьерный путь от журналиста до профессора философии и социологии, резюмируя биографию выходца из рабочего класса. Далее мы более подробно остановимся на ключевых для книги тем: габитусе, консервативном повороте, классовом самосознании.

Габитус и система школьного образования

«Принадлежность к классу — это то, что всем телом чувствует ребенок рабочего» [Eribon, 2009, p. 100]. Эрибон рассматривает тему классового воспроизводства через понятие габитуса Бурдье. Габитус как схема восприятия, понимания и действия позволяет агентам поступать тем или иным образом, исходя из практического знания; она определяет предзаданные, конвенциональные стимулы, на которые агенты склонны реагировать. Обусловленное габитусом поведение не похоже на поведение «рациональных экономических субъектов», подбирающих наилучшие доступные средства для достижения поставленных целей. Благодаря габитусу агенты способны создавать адекватные и возобновляемые стратегии, определенные структурными границами, продуктом которых они являются [Bourdieu, 2000, p. 180]. Таким образом, габитус не принадлежит сфере сознательного, но не является и психоаналитическим бессознательным.

Агент никогда не является субъектом собственных практик в полном смысле этого слова. Бурдье опирается на феноменологическое понимание первичного отношения к миру, как бытия-в-мире, которое выражается в принадлежности к миру, захваченности им, отсутствии разделения на субъект и объект [Ibid., p. 141]. Соответственно габитус формируется при активном воздействии мира на индивида, в первую очередь на его тело, посредством чего самовоспроизводятся экономические и социальные структуры. Обращение к концептам диспозиции или габитуса помогает объяснить непосредственное понимание мира, которое агент получает, применяя к нему формы знания, произведенные историей и структурами того самого мира, к которому они применяются. Диспозиции могут объяснить чувство самоочевидности, которое маскирует условия их возможности [Ibid., p. 155-156].

Более того, эффект символического господства проявляется в том, что диспозиции подчиненных спонтанным образом приводятся в соответствие с господствующим порядком. Подчинение, следовательно, отнюдь не добровольное рабство. Оно является эффектом власти, вписанным в человеческое тело [Ibid., p. 171].«Я всегда в глубине сердца чувствовал свою классовую принадлежность. Но это отнюдь не значит, что я принадлежал к осознающему себя классу» [Eribon, 2009, p. 102]. Демонстрируя, как работает механизм «осознания», автор рассказывает историю: его мать, домработница, брала маленького Дидье с братом в дома работодателей, поскольку не могла оставить их без присмотра. Дети становились свидетелями сцен «символического насилия», наблюдая, как хозяева, уверенные в своей правоте, могли хвалить или, напротив, доводить мать ге-

роя до слез. Как и Ричард Хоггарт [Hoggart, 1957], Эрибон настаивает, что для низших классов их классовая позиция очевидна, поскольку общество им постоянно на нее указывает. При этом для детей господствующих классов характерно отсутствие чувства классовой принадлежности, что Эрибон [Eribon, 2009, p. 100-101] остроумно демонстрирует на примере социологических изысканий Раймона Арона.

Анализируя историю своей семьи, Эрибон находит подтверждения тезису, что воспроизводство социального порядка основано на «инертности габитуса». Его отец, равно как и братья, оставили учебу в 14-15 лет, как только она перестала быть обязательной. «Исключение из системы школьного образования часто работает через самоисключение, которое осознается как “личный выбор”» [Eribon, 2009, p. 51]. Горизонт возможностей детерминируется классовым положением; более того, выходцы из низших классов даже не чувствуют, что чего-то лишены, поскольку мир «равных возможностей» для них недосягаем. Тот же Ванс неоднократно указывает, что домашнее насилие, злоупотребление психоактивными веществами, угнетенные настроения типичны не только для его семьи, скорее это закономерность для бедноты Ржавого пояса; «это мир поистине иррационального поведения» [Vance, 2016, p. 146]. Как ни удивительно, Ванс не делает шаг дальше и упорно считает социальные механизмы второстепенными по отношению к культурным и психологическим факторам: «да, наша элегия, конечно, несет на себе отпечаток социологии, но главное в ней — это психология, сообщество, культура и вера» [Ibid., p. 145]. Структуралистский анализа позволяет интегрировать все перечисленные аспекты, что представляется тем более логичным, если учесть проблематичность вынесения культуры и религии за рамки общества.

В лекции о «Якобинской идеологии» Бурдье рассматривает, как система школьного образования, основанная на личных заслугах, закрепляет и легитимирует социальное неравенство благодаря «формальному равенству». Дети приходят в школу с различным культурным капиталом; при этом все в школе — язык, на котором говорят преподаватели, школьная программа, дисциплина — устроено таким образом, что обладатели меньшего культурного капитала учатся хуже. Их академические неудачи описываются в категориях отсутствия способностей, а успехи «культурно богатых» сверстников — в категориях «дара» или «таланта» [Bourdieu, 2002, p. 56-61].

Эрибон настаивает, что достоверное описание системы и механизмов ее воспроизводства, посредством которых подчиненные закрепляют свое подчинение, исключая себя из системы образования, возможно лишь через «эпистемологический разрыв» с образом мышления и целеполагания самих индивидов. Только теория,

которая порывает с вписанными в тело структурами восприятия и установленными рамками сигнификации, т.е. механизмами воспроизводства неравенства и эксплуатации, могла бы позволить подчиненным иначе увидеть и осмыслить собственные действия, открыть новые перспективы политической практики [Eribon, 2009, p. 52].

Габитус не определяет судьбу раз и навсегда, что подтверждает личная история Эрибона, который стал, подобно Бурдье, носителем «расщепленного» габитуса. Габитус, неосознаваемый в рутине повседневности, может измениться под влиянием нового опыта и стать «заметным» для своего носителя в момент серьезных житейских трансформаций [Bourdieu, 2000, p. 162]. Глубину погруженности в автоматизм праксиса определяют как обстоятельства, так и место в социальном пространстве. В отличие от тех, кто находится на «своем месте» и может довериться своим диспозициям, «деклассированные» или «социально мобильные» индивиды склонны рефлексировать над тем, что для других является само собой разумеющимся. Нередко это объясняется тем, что они вынуждены следить за своими действиями и корректировать рефлексы габитуса, которые могут привести к неуместному поведению [Ibid, p. 162-163][1].

Так, для Эрибона «поломка габитуса» связана в первую очередь со своей гомосексуальностью. В рабочей среде гомофобные настроения (вплоть до вербального и физического насилия) были крайне распространены наряду с неприятием интеллектуализма. Их воплощением для автора оказался собственный отец, которому он себя противопоставлял как воплощению того, с чем стремился порвать [Eribon, 2009, p. 99].

Жизненная траектория автора исследования изменилась благодаря школе. Поначалу Эрибон вел себя скорее как один из «парней» (lads), описанных в исследовании Пола Виллиса о школах и социальной мобильности [Willis, 1977]. Среди ребят из рабочих семей популярностью пользовалась «антишкольная субкультура»: отрицание авторитета учителей, неприязнь к прилежанию, успехам

1 Отметим, что идее расщепленного габитуса можно противопоставить предложенную Бернаром Лаиром концепцию множественного актора. Лаир заимствует в концепции габитуса идею диспозиций, настаивая, что решающую роль в формировании агентов играет множественность полей, в которых он действует [Lahire, 1998]. Для Лаира субъект классовой мобильности — лишь частный случай множественности субъекта, габитус которого никогда не является цельным. Эрибон предпочитает развить бурдьевистскую концепцию расщепленного габитуса, поскольку она помогает схватить моменты господства и подчинения, отражающие классовую структуру общества.

в учебе и др. [Ibid., p. 11-15]. Столь же типичны для них маскулинные гомофобные ценности. Отношение 12-летнего Эрибона к учебе меняется в результате знакомства с мальчиком из другого класса, который поражает героя высокой культурой, рафинированностью манер, широким кругозором. Автор, который еще не осознал своей гомосексуальности, испытывает сильную эмоциональную привязанность к новому знакомому, чьи привычки резко контрастировали с габитусом детей рабочих. Эрибон говорит, что перед ним встал выбор: либо сохранить верность классу и остаться в среде, где его ждала жизнь под знаком «испорченной идентичности», либо «изобрести себя» через противопоставление, наделить смыслом свое несоответствие классовым стереотипам. В отличие от сверстников, которые воспринимали школу как препятствие или насилие, Эрибон [Eribon, 2009, p. 172] подчиняется образовательной системе: «Сопротивляться значило потерять себя. Подчиниться — обрести спасение».

Тем не менее рабочая среда определяет сферу интересов Эрибона: он участвует в политике, занимается активистской деятельностью, интересуется философией, прочитав работы Маркса, Энгельса, Сартра. При том его по отношению к рабочим носит двойственный характер: идеализации рабочего класса сопутствует неприятие реального рабочего класса как среды своего происхождения. Противопоставление «класса в себе» (нетерпимость рабочих классов, их «обуржуазивание») «классу для себя» служило для юноши оправданием, чтобы обвинять своих родителей в несоответствии идеалистическим ожиданиям. «Марксизм времен моей молодости стал для меня вектором социальной дезидентификации: превознося рабочий класс, я отдалялся от реального мира рабочих» [Ibid., p. 88.]. И все-таки, хотя автор использует образование как способ разграничить себя и рабочий класс, научный интерес, связанный с жизненным опытом, заставляет его непрестанно возвращаться в мир прошлого.

Консервативный поворот. Социалисты у власти

Вернувшись в Реймс, Эрибон обнаружил, что члены его семьи, которые раньше голосовали за коммунистическую партию, теперь поддерживают Национальный фронт. Мать исследователя признается, что на выборах 2002 г. отдала голос за НФ в первом туре. «Это был сигнал тревоги, потому что так не могло продолжаться. Люди, голосовавшие за Ле Пена, не хотели, чтобы он пришел к власти. Во втором туре все голосовали как обычно» [Eribon, 2009, p. 133]. Эрибон задается вопросом, почему рабочие, противопоставляющие себя буржуазии, перешли от классовой идентичности к национальной, теперь

противопоставляя себя иммигрантам, т.е. таким же рабочим, как и они сами. Эрибон утверждает, что вымывание концепции классового противостояния из левого политического дискурса вызвало деконструкцию групповой идентичности, выстроенной на общих интересах, и привело к индивидуализации мнений. Именно потеря легитимности классовой самоидентификации рабочих привела к ресентименту.

Для понимания позиций Эрибона стоит кратко рассмотреть трансформации политической ситуации во Франции, которые начались в 1980-х годах. В 1981-м к власти пришел Франсуа Миттеран. Его правительство провозгласило «социалистический проект» разрыва с капитализмом, чем воодушевило участников левых движениях 1960–70-х. Надежды не оправдались: уже в 1982-м были введены меры налоговой экономии, ограничен рост минимальной заработной платы, а в 1985-м курс на разрыв с капитализмом был официально объявлен несостоятельным.

Вместе с тем интеллектуальная жизнь Франции дрейфовала «вправо»: между радикальными и официальными левыми, придерживающимися «нео-консервативных» взглядов, происходит раскол. В результате традиционный электорат левых оказался утраченным — это стало очевидным в 2002 г., когда кандидат от социалистической партии Лионель Жоспен не прошел во второй тур президентских выборов.

Размышляя над причинами провала левых, Эрибон указывает на «профессионализацию» и обуржуазивание социалистических элит. Схожие процессы регистрирует Фредерик Лебарон, который описывает изменение состава руководства левого движения и коадаптацию левых партий и экономистов неолиберальной направленности, которые на международном и национальном уровне призывают к сворачиванию неэффективного «социального государства» и дерегулированию экономики. Лебарон показывает, что практически во всех западных странах, где социал-демократы занимали господствующие политические позиции, именно прорыночные экономисты руководили процессами децентрализации, сформировав неолиберальное крыло левого движения [Lebaron, 2003, p. 22-25]. В этом контексте становится понятнее, почему во Франции находящиеся у власти социалисты все реже говорят об эксплуатации, апеллируя к «модернизации», «общественной солидарности» и «личной ответственности» [Eribon, 2009, p. 130]. В результате электоральная машина социалистической партии, занятая медийной борьбой, исключает «народные классы», или пролетариат, из дискурса.

Эрибон усматривает истоки правого поворота не только в политической и экономической практике, но и в радикальных трансформациях идеологии. Социалисты все чаще прибегают к неоконсер-

вативной риторике; ее главными рупорами Эрибон считает Фонд Сен-Симона и Институт Раймона Арона. Среди ведущих идеологов консервативного поворота он также упоминает историка Франсуа Фюре и теоретика демократии Пьерра Розанваллона. Идеологическая мутация левого дискурса происходит на фоне борьбы с марксизмом, которому противопоставляется концепция прав человека, и структурализмом, на место которого возвращается философия автономного субъекта. Ставка в этой борьбе — дисквалификация детерминистской мысли и реабилитация политической философии в противовес социальным наукам. Возвращение к Канту («автономный субъект») и Руссо («общественный договор») необходимы, чтобы освободить граждан от социальной предопределенности и любой идентичности, кроме национальной. Идеологи консервативного поворота, по Эрибону, ставят своей целью «распространение этатистского мышления в противовес социальной и интеллектуальной критике», а также дискредитацию эмансипаторных движений посредством обвинений в эгоизме и предвзятости. В результате поворота в левом дискурсе происходит переход от логики имманентности (в рамках социальной борьбы) к логике трансцендентности (подчинение закону) [Eribon, 2007, p. 125-127].

Анализируя успех Национального фронта, особенно заметный на фоне слабости левых политиков во власти, Эрибон проводит параллели с аналогичными тенденциями в Великобритании на материале исследований Стюарта Холла. В знаковой статье «Большое шоу правого поворота» Холл показывает, что тэтчеризму удалось успешно использовать «язык народа», чтобы подавить «ползучий социализм» и избавиться от «кейнсианских иллюзий». Более того, Тэтчер сумела создать новый «исторический блок», объединив господствующие и подчиненные классы вокруг обновленной консервативной идеологии, сочетающей «классические» ценности тори (семья, нация, честь, авторитет, верность традициям) с элементами неолиберализма (частный интерес, конкуренция, антиэтатизм) [Холл, 2015].

Томас Фрэнк также исследует на американском материале причины, в силу которых традиционный электорат Демократической партии перешел к консервативным республиканцам. Исследователь приходит к выводу, что демократические элиты во многом несут ответственность за недовольство масс, которое сумели использовать консерваторы, чтобы провести в жизнь неолиберальные реформы. Правые используют культурную повестку, позиционируя себя как врага элит и выразителей справедливого народного протеста. Таким образом различие между левыми и правыми в тактических целях стирается; за скобками остается тот факт, что реформы правых выгодны в первую очередь богатым [Frank, 2004, p. 13-15].

Приход к власти Барака Обамы усугубил разочарование в демократах и привел к взлету правого популизма[1].

Мы видим, что разные исследователи на разном материале сходятся во мнении, что поворот рабочего класса к правому популизму обусловлен прежде всего трансформациями социал-демократов в Европе и демократов в США, которые, находясь у власти, подвергли свой традиционной электорат дискурсивному исключению. В результате рабочий класс утратил свою коллективную идентичность. Резюмируя анализ самого Эрибона, можно сказать, что левые партии и их интеллектуальные элиты заговорили на языке правящих, а не подчиненных, стали выступать от лица государства в интересах государства.

Отказ от класса и классовое сознание

Трансформация левого дискурса трансформировала и то, как мыслится общество, и само общество. Однако для Эрибона отказ от использования понятий класса, классовых отношений в политическом дискурсе, политической и социальной теории не отменяет того факта, что те, кто обозначались как «рабочий класс», воспринимают дерегулирование экономики и сворачивание социального государства как противоречащее их интересам.

Для этих групп голосование за Национальный фронт носит кардинально иной смысл, чем голосование за коммунистов. Если в последнем случае голосующие утверждали свою классовую идентичность, то в первом — защищают остатки этой идентичности, презираемые социал-демократической иерархией выпускников Национальной школы администрации и других элитных учебных заведений, ответственных за «господствующую транс-политическую идеологию». Бессилие, распространившееся в народных классах, превратилось в ярость, и социальный класс, деконструированный консервативным поворотом левых, заявил о себе, отдав голос за Национальный фронт [Eribon, 2009, p. 134-137].

1 В интервью, посвященном книге «Listen Liberal» (2016), Томас Фрэнк обращает внимание на то, что республиканцы получили возможность называть себя защитниками американского «рабочего» народа только при самозабвении профессиональных демократов-функционеров, которые до сих пор считают успех правого популизма результатом крипто-расизма, деменции, заговором религиозных фанатиков или протестом «разъяренных белых мужчин», оставшихся за бортом истории (http://billmoyers.com/story/author-thomas-frank-talks-hillary-clinton-bernie-sanders-and-his-new-book-listen-liberal).

Очевидно, что, вступая в новые альянсы, рабочий класс также претерпевает изменения. Тем не менее успех НФ объясняется умением использовать и настроения самих рабочих. Эрибон приводит в пример убеждения, присущие его семье, называя их «классическими»: желание изгнать иммигрантов и ввести национальные преференции при найме на работу, ужесточить наказания за преступления вплоть до смертной казни, ввести возможность закончить школьное образование в 14 лет. Отсутствие мобилизации через классовую идентичность и солидарность позволяет подменить классовое разделение общества разделением расовым. Здесь анализ Эрибона перекликается с идеями Этьена Балибара о «классовом расизме»: ненависть по отношению к мигрантам — не только следствие конкуренции за рабочие места, но и манифестация неприятия собственного классового положения [Балибар, 2004, с. 247-248].

Для Эрибона класс и его самосознание не являются левыми или правыми априори. Центральную роль в формировании коллективной идентичности играют теории, наделяющие смыслом жизненный опыт, значение которого может трактоваться диаметрально противоположным образом. «Ни положение индивида в обществе, ни позиция в организации труда не достаточны для того, чтобы определить “классовый интерес” или восприятие классового интереса» [Eribon, 2009, p.156].

Размышления французского исследователя об эволюции классового сознания отсылает нас к двум различным, но тесно связанным пониманиям класса — руссоистскому и марксистскому [Tamas, 2006]. Тамаш видит главное различие между двумя проектами в том, что Руссо стремится заменить иерархическое общество эгалитарным народом, в то время как Маркс не стремится к тому, чтобы изменить общество через уничтожение господствующего класса, но считает, что капитализм исчезнет, если подчиненный класс — пролетариат — упразднит сам себя. С позиции «руссоистского марксизма» освобождение класса (как и народа у Руссо) не подразумевает его самоупразднения.

Для руссоистов времен Французской революции задача состояла в упразднении господствующей аристократии (как сословия, а не класса), в результате чего «третье сословие» становилось тождественным единой и бессословной нации. С 1870-х по 1970-е рабочее движение в Европе становится силой, противостоящей старому режиму наследственных привилегий через профсоюзы и политические партии. Однако руссоистское самосознание рабочего движения, которое Тамаш называет «ложным», помогло создать современные капиталистические общества; так социализм стал средством капиталистической модернизации.

Таким образом, политику левых в период консервативного поворота можно назвать скорее «руссоистской», нежели «марксистской». Теоретические основания этого поворота подробно рассмотрены Элен Вуд, которая показывает, как в западном постмарксистском дискурсе произошел переход от риторики борьбы с господством и эксплуатацией к риторике культурной «гегемонии», плюрализма и признания [Wood, 1986, p. 51-60]. Перри Андерсон также объясняет причины утраты левыми своих позиций через подмену класса «народом» [Anderson, 1984, p. 87].

Равенство — будь то равенство возможностей, статуса, политического прав — без радикальной социальной трансформации невозможно. Без нее элементы господства будут сохраняться в форме государства или иерархических структур — в разделении труда, семье и др. Более того, уравнительное перераспределение при сохранении структуры капиталистического господства возможно лишь при постоянном давлении «снизу» для обеспечения все большего равенства. Перераспределение при существующем способе производства может проводиться только при масштабном участии государства, что в свою очередь ведет к концентрации власти и ресурсов, вступающей в противоречие с принципом равенства [Tamas, 2006, p. 246].

Класс, по Тамашу, — это уникальный конститутивный элемент капиталистического общества. Устойчивость классовой структуры обусловлена тем, что класс, с юридической и социальной точек зрения, открыт для всех. В ситуации отделенности экономики от иных сфер общественной жизни борьба подчиненных классов за власть не способна привести к появлению бесклассового общества. В качестве одной из наиболее значимых угроз современности Тамаш видит нацизм и фашизм с их стремлением санкционировать квазисословное разделение общества [Ibid., p.251]. Тем не менее в условиях триумфа капитализма борьба за экономическое равенство оказывается недостаточной, поскольку причины неравенства имеют иную природу, нежели в прошлом. В указанной перспективе утверждения о «смерти класса» [Pakulski, Waters, 1995] или неактуальности этого концепта [Beck, Beck-Gernsheim, 2002] следует понимать как результат смешения понятий «класса» и «касты».

Парадокс класса как подчиненного и коллективного революционного агента остается острой теоретической и практической проблемой. Тот факт, что тот или иной класс не осознает себя именно как «класс», отнюдь не меняет структурных характеристик капитализма. Класс не сводится к группе людей с общими интересами, моральными и культурными ценностями, но является структурным элементом капиталистического общества, т.е. абстрактной категорией. Отсюда следует заключить, что главным врагом сегодня

является уже не буржуазия, но капитализм без пролетариата и без буржуазии, если мы имеем в виду отдельные группы с собственной культурой и идеологией.

Можно ошибочно принять отсутствие отдельных культурных и статусных групп как признак отсутствия классового разделения. Однако капиталистический класс занимает господствующую позицию, хотя и является анонимным и открытым, а, значит, обладает иммунитетом против открытого противостояния. Классовый конфликт определяется только ролью в извлечении прибавочной стоимости, а не борьбой двух классов-антагонистов за признание и лучшее положение в системе распределения. Так, несмотря на утрату стремления к культурной и политической гегемонии, рабочий класс продолжает существовать в экономической реальности, и его существование носит столь же фундаментальный характер, как и прежде.

Безусловно, понятие класса ставится многими теоретиками под вопрос. Валлерстайн объясняет отход от классовой риторики тем, что само понятие класса не всегда адекватно отражает действительность. Для него процессы обуржуазивания и пролетаризации протекают параллельно, при этом главным отличием буржуа от пролетария является не контроль над средствами производства или частная собственность, но обладание «человеческим капиталом» Этот капитал приобретается в системе образования, что отсылает нас к бурдьевистскому анализу. Валлерстайн считает, что последним оплотом буржуазных привилегий является меритократическая система, в которой решение о заслугах является политическим.

Приведенный анализ Валлерстайна перекликается с подходом Тамаша: в их оптике привычные нам репрезентации и саморепрезентации буржуазии и пролетариата имеют мало общего с современной капиталистической действительностью. Сегодня главные роли в «капиталистической драме» не принадлежат ни купцу-авантюристу, ни индустриальному капиталисту, ни фабричному рабочему, однако буржуа как получатель прибавочной стоимости остается ее протагонистом, а классовая борьба неизменно продолжается в сферах производства и воспроизводства условий эксплуатации [Валлерстайн, 2004, с. 179-181].

Балибар [2004, с. 211] в эссе «От классовой борьбы к борьбе бесклассовой», как и Тамаш, утверждает, что классы «не являются кастами». Они накладываются друг на друга структурно и исторически. Процессы обуржуазивания пролетариата и пролетаризации буржуазии могут протекать одновременно, при этом относительно гомогенные классовые идентичности формируются контингентно в результате «политических случайностей». Сказанное не снимает факт классового антагонизма. Классовая структура может и должна понимать-

ся как некая определяющая, хотя и не единственная в своем роде, структура, которая воздействует на все практики и затрагивает универсальность других структур и антагонизмов [Там же, с. 214].

Таким образом, кризис классовой идентичности рабочих заставляет нас переосмыслить само понятие класса. Чтобы класс не был лишь элементом марксистского мифа о противоборствующих группах, но оставался значимой социально-политической категорией, необходимо избежать его «руссоистской» трактовки. Сам Эрибон также выступает против романтизации класса, аргументируя позицию примером собственной семьи. С его точки зрения, для создания эффективной политической стратегии и восстановления позиций левые должны избавиться от мифов о «классовом сознании». Низшие классы, исключенные из политического дискурса неолиберальной идеологией, стремятся к признанию, что делает возможным формирование «нового исторического блока» под эгидой обновленного левого движения. Однако для его легитимации в политике требуются массовые мобилизации и забастовки — ведь политическая идентичность не меняется в одночасье, а групповая субъектность создается только через практику. Вместе с тем необходимо учитывать и другие формы социальной конфликтности, например, религиозные, расовые, экологические и их связь с классовой структурой.

Классовая структура позволяет идентифицировать потенциальных участников классовой борьбы, однако эта структура совсем не обязательно играет приоритетную роль в определении действительных проявлений классовой борьбы по сравнению с другими механизмами (идеология, государство, этнос, гендер). Идею о несводимости классовой структуры к «культурному конструкту» отстаивает также Вивек Чиббер [Chibber, 2017]. Любое социальное действие проходит через фильтр культуры, однако сама классовая структура не может определяться лишь смысловыми установками. Важность структурного подхода к категории класса проявляется в том, что подобный подход возвращает единство социальной теории и политической практики.

Заключение

Проблемы классовой идентичности заявили о своей актуальности через конкретные политические проявления правого популизма, во многом именно поэтому работа Эрибона имела широкий резонанс во Франции и за ее пределами.

Очевидно, что отечественный опыт может разительно отличаться от того, что описано в автобиографической работе Эрибона, однако это не означает, что его исследовательская оптика и подход не применимы к постсоветской России. Теоретический инструментарий

Эрибона хорошо знаком российскому читателю в силу хорошей освоенности наследия Пьера Бурдье и Мишеля Фуко. Сопоставимы по тематике исследования Михаила Соколова [2012], посвященные социальной стратификации в сфере образования, и работа Бориса Максимова [2004] о становлении рабочего класса в постсоветской России.

Ключевые для «Возвращения в Реймс» проблемы — классовая и сексуальная идентичности, воспроизводство социальных структур и стратификации, консервативный поворот и роль популизма, — безусловно, резонируют с современной российской социальной и политической реальностью. Задача, которая стоит перед активистами и критическими интеллектуалами, заключается, по мнению Эрибона, в том, чтобы создать теоретические рамки и способы политического понимания действительности, которые позволили бы возродить «левое движение с левыми взглядами» [Eribon, 2006]. На протяжении всей книги исследователь проводит мысль, что с исчезновением классового дискурса не происходит самоупразднения классов. Поэтому, с точки зрения автора, необходимо выработать новый политический дискурс, способный создать нового субъекта политики.

Как показывает история консервативных поворотов, субъект эмансипаторной политики сегодня не может быть сформирован на основе универсальной морально-этической повестки. Здесь уместно вспомнить критику автономии политического, которую Элен Вуд адресует теоретикам дискурсивного поворота. Один из ее тезисов состоит в том, что формирование субъекта политики, целью которого является трансформация общества, невозможно без экономических преобразований [Wood, 1986, p. 6-8]. Ей созвучны и аргументы Марка Фишера, для которого отказ от политики идентичности и эссенциализма возможен лишь через утверждение класса и классовой борьбы [Fisher, 2013]. Эти категории позволяют артикулировать «непримиримый антагонизм, вокруг которого формируется комплекс экономика — государство» [Балибар, 2004, с.213]. Вместо того чтобы фиксировать уже существующие «цепочки эквивалентности», необходимо подходить к любой артикуляции как предварительной и пластичной, более того, такая связь различных компонентов не означает их гомогенность и не должна стремиться к подобному эффекту.

Левые, которые не отстаивают определяющую роль класса, представляют собой не более чем «либеральную группу давления» [Fisher, 2013]. Только взгляд с позиции классовой борьбы позволяет понять, каким образом класс предзадает и формирует возможный опыт субъекта и его габитус, то есть осмыслить механизмы воспроизводства эксплуатации и угнетения. Более того, концепт классовой борьбы позволяет увидеть, как частная сфера труда всегда определяет политические формы, ставя под вопрос традиционное разделение экономики и политики.

Библиография

Балибар Э., Валлерстайн И. (2004) *Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности*, М.: Логос.

Максимов Б. (2004) *Рабочие в реформируемой России, 1990-е — начало 2000-х*, СПб: Наука.

Соколов М.М. (2012) О процессе академической (де)социализации. *Социологические исследования*, (8): 21-30.

Холл С. (2015) *Большое шоу правого поворота*. (http://openleft.ru/?p=6387)

Фуко М. (2006) Возвращение морали. *Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью*. Ч. 3, М. : Праксис.

Фюре Ф. (1998) *Прошлое одной иллюзии*, М: Ad Marginem.

Anderson P. (1984) *In the Tracks of Historical Materialism*, Chicago: The University of Chicago Press.

Baldwin J. (1995) *Notes of a Native Son*, London; N.Y.: Penguin Books.

Beck U., Beck-Gernsheim, E. (2002) *Individualization: Institutionalized Individualism and its Social and Political Consequences*, London: Sage.

Bourdieu P. (2000) *Pascalian Meditations*, Stanford: Stanford University Press.

Bourdieu P. (2008a) *Sketch for a Self-Analysis*, Chicago; London: The University of Chicago Press.

Bourdieu P. (2008b) *The Bachelor's Ball. The Crisis of Peasant Society in Bearn*, Chicago; London: The University of Chicago Press.

Chibber V. (2017) *Rescuing Class from the Cultural Turn*. Catalyst. Vol. 1/1. (https://catalyst-journal.com/vol1/no1/cultural-turn-vivek-chibber)

Eribon D. (2007) *D'une révolution conservatrice et de ses effets sur la gauche française*, Paris: Éditions Léo Scheer.

Eribon D. (2009) *Retour à Reims*, Fayard.

Eribon D. (2013) *La Société comme verdict*, Fayard.

Eribon D. (2016) *Principes d'une pensée critique*, Fayard.

Eribon D. (2014) *On Social Verdict: Classes, Identities, Trajectories*. https://www.youtube.com/watch?v=O50QO7yxLs0

Eribon D. (2006) *"Cette dérive conservatrice explique la défaite de Jospin". Regard sur la trajectoire d'une gauche qui a fini par avoir les mêmes références que la droite.* Entretien. (http://www.regards.fr/acces-payant/archives-web/didier-eribon-cette-derive, 2267)

Fisher M. (2013) *Exiting the Vampire Castle*. (https://www.opendemocracy.net/ourkingdom/mark-fisher/exiting-vampire-castle#)

Frank T. (2004) *What's the Matter with Kansas? How Conservatives Won the Heart of America?* N.Y.: Owl Books.

Frank T. (2016) *Author Thomas Frank Talks Hillary Clinton, Bernie Sanders and His New Book, "Listen Liberal".* (https://billmoyers.com/story/author-thomas-frank-talks-hillary-clinton-bernie-sanders-and-his-new-book-listen-liberal)

Goffman E. (1963) *Stigma. Notes on the Management of Spoiled Identity*, London: Penguin.

Hoggart R. (1957) *The Uses of Literacy: Aspects of Working Class Life*, London: Chatto and Windus.

Isenberg N. (2016) *White Trash: The 400-Year Untold History of Class in America*, N.Y.: Penguin.

Lahire B. (1998) *L'Homme pluriel*, Paris: Nathan.

Lebaron F. (2003) *Le savant, la politique et la mondialisation*, Bellecombe-en-Bauge: Le Croquant.

Louis E. (2014) *En finir avec Eddy Bellegueule*, Paris: Seuil.

Pakulski J., Waters M. (1996) *The Death of Class*, London: Sage.

Stanley M.E. (2018) *Capital Offenses: Hillbilly Elegy and anti-worker mythologies*. (https://isreview.org/issue/108/capital-offenses-hillbilly-elegy-and-anti-worker-mythologies)

Vance J.D. (2016) *Hillbilly Elegy: A Memoir of a Family and Culture in Crisis*, Harper Collins Publishers.

Willis P.E. (1977) *Learning to labour: How working class kids get working class jobs*, Farnborough: Saxon House.

Wood E.M. (1986) *The Retreat from Class. A New True Socialism*, London: Verso.

References

Anderson P. (1984) *In the Tracks of Historical Materialism,* Chicago: The University of Chicago Press.

Balibar E., Wallerstein I. (2004) *Race, Nation, Class. Les identites ambigue*s, Moscow: Logos.

Baldwin J. (1995) *Notes of a Native Son,* London; N.Y.: Penguin Books.

Beck U., Beck-Gernsheim E. (2002) *Individualization: Institutionalized Individualism and its Social and Political Consequences*, London: Sage.

Bourdieu P. (2000) Pascalian Meditations, Stanford: Stanford University Press.

Bourdieu P. (2008a) Sketch for a Self-Analysis, Chicago; London: The University of Chicago Press.

Bourdieu P. (2008b) The Bachelor's Ball. The Crisis of Peasant Society in Bearn, Chicago; London: The University of Chicago Press.

Chibber V. (2017) *Rescuing Class from the Cultural Turn. Catalyst*. Vol. 1/1. (https://catalyst-journal.com/vol1/no1/cultural-turn-vivek-chibber)

Eribon D. (2007) *D'une révolution conservatrice et de ses effets sur la gauche française*, Paris: Éditions Léo Scheer.

Eribon D. (2009*) Retour à Reims*, Fayard.

Eribon D. (2013) *La Société comme verdict*, Fayard.

Eribon D. (2016) *Principes d'une pensée critique,* Fayard.

Eribon D. (2014) *On Social Verdict: Classes, Identities, Trajectories.* (https://www.youtube.com/watch?v=O50QO7yxLs0)

Eribon D. (2006) *"Cette dérive conservatrice explique la défaite de Jospin". Regard sur la trajectoire d'une gauche qui a fini par avoir les mêmes références que la droite.* Entretien. (http://www.regards.fr/acces-payant/archives-web/didier-eribon-cette-derive, 2267)

Fisher M. (2013) *Exiting the Vampire Castle.* (https://www.opendemocracy.net/ourkingdom/mark-fisher/exiting-vampire-castle#)

Frank T. (2004) *What's the Matter with Kansas? How Conservatives Won the Heart of America?* N.Y.: Owl Books.

Frank T. (2016) *Author Thomas Frank Talks Hillary Clinton, Bernie Sanders and His New Book, "Listen Liberal".*(https://billmoyers.com/story/author-thomas-frank-talks-hillary-clinton-bernie-sanders-and-his-new-book-listen-liberal)

Foucault M. (2006) *Vozvrashchenie morali. Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu [The Return of Morals. Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Talks and Interviews, Part 3],* M.: Praxis.

Furet F. (1998) *Proshloe odnoj illyuzii [The Passing of an Illusion: The Idea of Communism in the Twentieth Century],* M: Ad Marginem.

Goffman E. (1963) *Stigma. Notes on the Management of Spoiled Identity,* London: Penguin.

Hall S. (2015) *Bol'shoe shou pravogo povorota [The Great Moving Right Show]* (http://openleft.ru/?p=6387)

Hoggart R. (1957) *The Uses of Literacy: Aspects of Working Class Life*, London: Chatto and Windus.

Isenberg N. (2016) *White Trash: The 400-Year Untold History of Class in America*, N.Y.: Penguin.

Lahire B. (1998) *L'Homme pluriel*, Paris: Nathan.

Lebaron F. (2003) *Le savant, la politique et la mondialisation*, Bellecombe-en-Bauge: Le Croquant.

Louis E. (2014) *En finir avec Eddy Bellegueule*, Paris: Seuil.

Maximov B. (2004) *Rabochiye v reformiruyemoi Rossii, 1990 –nach. 2000 [Workers in the Post-reform Russia, 1990-early 2000]* SPb: Nauka.

Pakulski J., Waters M. (1996) *The Death o*f Class, London: Sage.

Sokolov M. (2012) O processe akademicheskoj (de)socializacii [On the Process of Academic De(socialization)]. *Sociological Research*, (8): 21-30.

Stanley M.E. (2018) *Capital Offenses: Hillbilly Elegy and anti-worker mythologies*. (https://isreview.org/issue/108/capital-offenses-hillbilly-elegy-and-anti-worker-mythologies)

Vance J.D. (2016) *Hillbilly Elegy: A Memoir of a Family and Culture in Crisis*, Harper Collins Publishers.

Willis P.E. (1977) *Learning to labour: How working class kids get working class jobs*, Farnborough: Saxon House.

Wood E.M. (1986) *The Retreat from Class. A New True Socialism*, London: Verso.

Рекомендация для цитирования / For citations:

Егорова А.Е. (2018) Автобиографический подход Дидье Эрибона в контексте современных дискуссий о классовой идентичности. *Социология власти*, 30 (4): 106-127.

Yegorova A.E. (2018) Didier Eribon's Autobiographical Approach in the Context of Contemporary Discussions On Class Identity. *Sociology of Power*, 30 (4): 106-127.

Поступила в редакцию: 21.11.2018; принята в печать: 25.12.2018